

УДК 316.346.32 – 053.6

ББК 60.542.15

С 17

**С.И. Самыгин,**

*доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79381067174, e-mail: samygin78\_@yandex.ru*

**А.П. Михайлов,**

*доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79618288200, e-mail: alexandr01.87@mail.ru*

**В.В. Ковалев,**

*доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79281321321, e-mail: vitkovalev@yandex.ru*

## **МОЛОДЕЖНЫЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ДЕВИАЦИЯ ИЛИ ПОЛУЛЕГИТИМНАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ?**

*(Рецензирована)*

**Аннотация.** В статье изучается проблема предубежденного отношения социума к неформальным молодежным объединениям. Анализ проведен в контексте сопоставления понятийного содержания неформальных молодежных объединений и таких смежных с ним терминов, как субкультура, девиантное поведение, формальные и неформальные группы.

**Ключевые слова:** неформальные молодежные объединения, девиация, самовыражение, субкультура, группы.

**S.I. Samygin,**

*Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Human Resource Management and Sociology of the Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, ph.: +79381067174, e-mail: samygin78\_@yandex.ru*

**A.P. Mikhaylov,**

*Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79618288200, e-mail: alexandr01.87@mail.ru*

**V.V. Kovalev,**

*Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79281321321, e-mail: vitkovalev@yandex.ru*

## **INFORMAL ASSOCIATIONS OF YOUNG PEOPLE: DEVIATION OR SEMI-LEGITIMATE FORM OF SOCIAL SELF-EXPRESSION?**

**Abstract.** The paper explores the problem of the prejudiced society attitude to informal associations of young people. The analysis is carried out to compare conceptual content of informal associations of young people and such terms, interfacing to it, as a subculture, deviant behavior, and the formal and informal groups.

**Keywords:** informal associations of young people, deviation, self-expression, subculture, groups.

Неформальные молодежные объединения в нашей стране стали объектом пристального внимания общественности и общественнознания с того момента, как в советском социуме ослаб пресс идеологического давления и у молодежи появилась возможность самостоятельно выбирать формы своего социального самовыражения. Произошло это с середины 80-х годов прошлого века. В Советском Союзе началась инициированная М.С. Горбачевым перестройка, рухнул «железный занавес», подули «ветра свободы и перемен», а наиболее восприимчивыми к этому оказались именно молодые люди. Советский обыватель, привыкший прежде к тому, что есть организованные свыше и потому предсказуемые октябрята, пионеры и комсомольцы, вдруг столкнулся с принципиально новой для себя реальностью в виде хаотично образующихся, нередко агрессивных по отношению к устоявшимся социальным правилам, неформальных групп молодежи в виде панков, хиппи, металлистов, люберов, растаманов, ролевигов и т.д. Уже в то время, то есть во второй половине 80-х годов XX века, на закате СССР, возникла не утратившая актуальности и сейчас дилемма: как относиться к этим группировкам – как к нормальному и естественному процессу социального самовыражения не зрелых в силу возрастных особенностей лиц или особой форме девиации, в основе которой лежит отказ от принятых в «большом обществе» регулятивных элементов культуры (норм, ролей, ценностей, стереотипов, традиций)? Актуальность заявленной проблемы подерживается тем, что каждое новое

поколение молодых людей нередко является творцом новомодных разновидностей неформальных объединений. Уже давно забыты не так давно ещё многочисленные и панки, и хиппи, и им подобные группы 60-80-х годов ушедшего столетия, но каждая новая генерация молодежи реинкарнирует новые, не признаваемые социумом ценности, выступающие формообразующим фактором для новых молодежных течений.

Чтобы сделать осмысленный и верифицированный через научное знание выбор в рамках определенной выше дилеммы, рассмотрим ряд важных для понимания указанной проблемы смежных понятий и выскажем наше суждение в итоговом выводе в конце данной статьи.

Относительно социальной природы неформальных молодежных объединений в науке нет единомыслия. Так, Г. Маркузе рассматривал их в качестве контркультурного потенциала, содержащего в себе протестное начало. В таких движениях ученый видел ротацию на молодежь уходящего с политической арены марксистского типа пролетариата [1]. М. Брейк усматривал в молодежных субкультурах самый широкий спектр социальных возможностей: от безобидной эстетики до крайних форм девиации, в том числе политического характера [2]. Ж. Делез и Ф. Гваттари оценивали анализируемое явление в качестве некоей параллельной реальности относительно существующей культуры большинства [3]. М. Маффесоли обратил внимание на то, что с 80-х годов XX в. неформальные молодежные движения приобретают всё больше черт ритуального

характера, что по внешним признакам сближает их с архаическими обществами прошлых времен [4].

Мы полагаем, что неформальные молодежные объединения являются составной частью понятия «субкультура», то есть входят в ту часть социокультурного пространства, которую с некоторой долей условности можно считать ее протестным сегментом самого широкого спектра проявлений: от эстетического ритуализма до политических интеракций устойчивого характера [5].

Условность принадлежности субкультуры к культуре господствующего большинства проявляется в том, что она обладает общими с ней признаками, но допускающими при этом отличительное толкование, что выводит содержательный объем данного понятия за иные смысловые рамки. К этим признакам относятся: 1) свойственные конкретному движению исключительные ценности; 2) характерная только для него статусно-ролевая система; 3) наличие языка, понятного лишь конкретной группировке; 4) обладание оригинальной для движения нормативной системой. Не для всех, но для многих молодежных движений неформального типа присущи типичные только для них ценности. В зависимости от степени их абстрагирования, они могут выражаться либо в качестве всем понятных слоганов («мир спасет любовь!»), либо в форме сложных идеологий, фиксирующих отношение к самым разным аспектам социальной реальности. Статусно-ролевые системы формируются лишь в тех движениях, где четко выражена групповая динамика, а сами группы по своим характеристикам начинают тесно приближаться к свойствам, типичным для групп формального типа. Склонность неформальных движений к продуцированию новой лексики находится в прямой зависимости от степени их закрытости. Что касается нормативных правил неформальных групп молодежи, то

они располагаются на общей линии закономерностей выработки неписаных правил, которые действуют примирительно к любой неформальной группе [6].

Проведенный анализ указанных признаков позволяет нам выделить все возможные диапазоны умозаключений относительно того, что представляют собой неформальные молодежные объединения: разновидность девиации или свободную форму социального самовыражения? Если взять за основу понимание девиации, предложенное Р. Мертоном, то она происходит из-за отказа либо от общепризнанных социальных целей, либо от одобренных способов их достижения (или и того, и другого одновременно) [7]. В данном плане характерные для неформальных объединений признаки, определяющие их принадлежность к субкультуре, могут отражать как девиантность молодежного движения (например, вследствие явной асоциальности норм), так и причастность его к доминирующей культуре социума.

Безусловно, есть неформальные молодежные объединения, которые иначе как девиантными назвать нельзя. К таковым относятся скинхеды, панки, сатанисты, кладбищенские готы и др. [8]. Они самым решительным образом настроены на вторжение в систему социальных ценностей, норм, традиций, да, в принципе, всех устоявшихся стандартов социокультурной регуляции [9]. Однако определение их девиантности – это лишь одна из смысловых линий, разграничивающих наше отношение к неформальным молодежным движениям. Девиация – не исключительное свойство, имманентно присущее неформальным молодежным движениям. Более правильно было бы проводить границу между неформальными молодежными движениями и, так сказать, «большим социумом» по линии признаков, конструирующих

понятия формальных и неформальных групп.

По принятой в социологии традиции относительно сущности формальных групп выделяются две группы признаков: 1) создаются для решения задач, значимых для социума; 2) коммуникация в них осуществляется на основании писаных правил поведения. Обратная логика присутствует в отношении неформальных групп: 1) их формирование преследует цели, значимые лишь для участников группы; 2) коммуникация построена на неписаных правилах поведения [10].

Конструирование по парному сценарию двух указанных признаков позволяет нам взглянуть на неформальные молодежные объединения совсем под другим углом. Если они создаются, чтобы достигнуть какие-то значимые для них цели, то обязательно ли считать, что эти цели непременно будут иметь асоциальный характер? Еще менее вероятной выглядит гипотеза о том, что в рамках групповой конвенциональности (без внешнего контроля государства, церкви, системы образования) будут с неизбежностью продуцироваться антисоциальные регулятивы. В конечном итоге, той же семье, как малой группе, в настоящее время элементы неформальности присущи в большей степени, нежели свойства формальной группы. Поэтому куда правильнее было бы признать, что неформальные молодежные объединения способны содержать в себе общественно приемлемый потенциал для социального самовыражения. И решение вопроса о том, чего в них больше: девиантности или социальной нормальности, является вопросом частного, а не универсального решения.

Что касается общих схем, то неформальные молодежные объединения следует поместить в систему горизонтальных социальных связей, выступающих органической частью гражданского общества.

Это независимые от государства общественные ассоциации, которые создаются для удовлетворения частных интересов граждан. В данной структуре горизонтальных линий, выстраивающих векторы опосредованных от власти отношений, молодежь занимает особое место в силу свойственных ей потребностей в свободе самовыражения. Молодежь относится к неустойчивой, мобильной социальной группе, обладающей при этом в достаточном количестве свободным временем для демонстрации активной общественной позиции. Значительная часть представителей указанной группы не имеет семейных обязанностей, многие не трудоустроены. Отсюда – широкая степень вовлеченности в различные социальные интеракции, в том числе связанные с принадлежностью к неформальным движениям.

В то же время для российского социума характерна устойчивая ретрансляция разного рода предрасудков и предубеждений относительно неформальных молодежных объединений. В январе-феврале 2013 г. аспирантом одного из авторов данной статьи, А.В. Братухиным, на территории Ростовской области проводился социологический опрос с целью выяснить отношение общества к анализируемым группам. Было выявлено, что негативно к ним относятся 38,7% респондентов из города Шахты, 42% – Ростова-на-Дону, 44% – х. Нижнеясиновский [11]. Результаты исследования показали, что почти половина из опрошенных приписывают деятельности неформальных молодежных объединений признаки асоциального, антиобщественного, девиантного поведения.

Мы полагаем, что появление и устойчивое существование подобного рода оценок не может считаться абсолютно беспочвенным [12]. Дело в том, что респонденты выносят суждения на основе своего жизненного опыта, а он у них нередко

формируется под воздействием тех поведенческих практик, которые выработываются неформальными молодежными движениями [13]. Если у респондента складывается представление о том, что неформальные молодежные объединения посягают на общественный порядок и у него (респондента) нет регулярного опыта соприкосновения с чем-то противоположным, то и оценки формируются исключительно отрицательные. В самом деле, качество развития российского гражданского общества таково, что оно «впитывает» в себя все те негативные социальные явления, которые в обычных «организованных по форме» групповых интеракциях скрыты [14]. Между тем, общая неустроенность нашей жизни, низкий уровень материального достатка широких слоев населения, правовой нигилизм, девальвация социальных ценностей и т.д. сильнее всего сказываются именно на молодежи. Поэтому в ситуации, когда она предоставлена как бы сама себе, указанные социальные изъяны выявляются, будто преломленные через увеличительное стекло.

По нашему мнению, ситуацию можно исправить лишь комплексными мерами: «оздоровлением» экономики, преодолением правового нигилизма, решением проблемы занятости молодежи (особенно в депрессивных регионах) и т.п. Что касается усиления целенаправленной работы с молодежью, то это также можно рассматривать как преодоление негативных проявлений деятельности неформальных молодежных объединений. Однако подобная работа в качестве последствия будет иметь конфигурацию молодежных движений в оформленные и контролируемые социумом общественные структуры. В качестве негативного состояния от указанной эволюции следует оценивать утрату молодежью своей способности активно и креативно влиять на социальные процессы, так как избыточная ее организация в рамках формальных групп ведет к утрате ею активной социальной позиции. Поэтому мы еще раз подчеркиваем, что приоритет должен отдаваться мерам общего, а не специального характера.

#### Примечания:

1. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ: Ермак, 2003. 322 с.
2. Brake M. Comparative Youth Culture. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. 154 p.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии // Новый круг. 1992. № 2. С. 12-19.
4. Маффесоли М. Околдованность мира, или Божественное социальное / пер. с фр. И.И. Звонаревой. М.: Прогресс, 1991. 278 с.
5. Верецагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи как фактор обеспечения общественной безопасности // 21 век: фундаментальная наука и технологии: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. Науч-инф. центр «Академический», 2016. С. 56-60.
6. Волков Ю.Г. Креативность: социальный диагноз современного общества // Научная мысль Кавказа. 2016. № 3. С. 3-14.
7. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006. 542 с.
8. Егорова Т.В. Неформальные объединения молодежи деструктивной направленности – угроза социальной стабильности // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 2, т. 6. С. 41-46.
9. Самыгин П.С. Девиантное поведение молодежи. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 354 с.

10. Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России. Ростов н/Д, 2015. 243 с.

11. Братухин А.В. Молодежные субкультуры в современном российском обществе: тенденции формирования и трансформации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2013. 24 с.

12. Михайлов А.П. Культурная маргинальность как фактор развития преступного поведения молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып. 1. С. 150-154.

13. Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2016. Т. 16, № 2. С. 55-61.

14. Хунагов Р.Д. Актуальные подходы к управлению идентификационными процессами // Власть. 2014. № 11. С. 16-19.

#### References:

1. Marcuse H. One-Dimensional Man / Transl. from English by A.A. Yudin. M.: OOO AST Publishing house: ZAO NPP Ermak, 2003. 322 pp.

2. Brake M. Comparative Youth Culture. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. 154 p.

3. Deleuze G., Guattari F. Treatise on Nomadology // The new circle. 1992. No. 2. P. 12-19.

4. Maffesoli M. Enchantment of the world, or the social Divine / Transl. from French. Zvonareva I.I. M.: Progress, 1991. 278 pp.

5. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Social health of the Russian youth as a factor of public security maintenance / 21st Century: basic science and technologies. Materials of the VIII International scientific and practical conference. Academic Research centre, 2016. P. 56-60.

6. Volkov Yu.G. Creativity: social diagnosis of the modern society // Scientific Thought of the Caucasus. 2016. No. 3. P. 3-14.

7. Merton K.R. Social Theory and Social Structure. M.: Khranitel, 2006. 542 pp.

8. Egorova T.V. Informal youth associations of destructive orientation as a threat to social stability // Recent studies of social problems. 2011. No. 2. Vol. 6. P. 41-46.

9. Samygin P.S. Deviant behavior of youth. Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. 354 pp.

10. Goloborodko A.Yu., Lubsky A.V., Serikov A.V. Culture, identity and national security of Russia. Rostov-on-Don, 2015. 243 pp.

11. Bratukhin A.V. Youth subcultures in the modern Russian society: tendencies of formation and transformations / Diss. abstract for the Candidate of Sociology degree. Maikop, 2013. 24 pp.

12. Mikhailov A.P. The cultural marginality as a factor in the development of criminal behaviour of youth // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Area studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural studies. 2015. Iss. 1. P. 150-154.

13. Samygin P.S., Popov M.Yu., Samygin S.I. Legal socialization of youth in the conditions of crisis state of the contemporary Russian society // Bulletin of the Russian University of Peoples Friendship. Series: Sociology. 2016. Vol. 16. No. 2. P. 55-61.

14. Khunagov R.D. Current approaches to identification processes management // Power. 2014. No. 11. P. 16-19.